

The background of the cover is a painting of a rainy street. In the distance, a person with a dark umbrella walks away. In the foreground on the right, a woman in a long grey coat and hat looks towards the street. The wet pavement reflects the warm yellow light of the street lamps. Bare trees line the street, and manhole covers are visible on the cobblestone path.

Татьяна Купер

**Вечный
приговор**

рассказы

Татьяна Купер

Вечный приговор

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Купер Т.

Вечный приговор / Т. Купер — «ЛитРес: Самиздат», 2014

«Вечный приговор» - это цикл рассказов на вечную тему любви. Их героини – обычные женщины с трудными судьбами и непростыми характерами. Они находятся на разных этапах своего жизненного пути, но их всех объединяет одно – неистребимое желание любить, которое становится для них «вечным приговором». Они просто не могут не любить, но они также не могут заключать сделки со своей совестью.

© Купер Т., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Татьяна Купер
ВЕЧНЫЙ ПРИГОВОР

© Copyright: Татьяна Купер, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лучшая подруга

Сделка

Слепая Любовь

Вечный приговор

Оловянный юбилей

На Банкете у Создателя

Предательница

Лучшая подруга

Ларочка и Любаша были лучшими подругами с самого детства – они выросли в одном дворе, учились в одной школе, и вот теперь, после её окончания, всё еще были неразлучными. Не то чтобы между ними была безупречная, ничем не омрачающаяся, дружба, а просто с годами они стали неотъемлемой частью друг друга, и уже не могли представить себе жизни без этих бесконечных девичьих разговоров, в которых они исповедовались в самых страшных «тайнах» и «грехах».

В тот роковой день Ларочке исполнилось восемнадцать лет, и она решила пригласить своих друзей в ресторан, чтобы отметить это знаменательное событие. День был ясный и морозный – стоял месяц январь – и она утром пошла на любимый каток. Обычно она ходили туда с Любашей, но сегодня та отказалась – ей нужно было пойти в парикмахерскую и сделать еще кое-какие дела.

Ларочка привычно натянула старенькие коньки, и стоя в очереди в раздевалку, чтобы сдать пальто, услышала позади себя знакомый мужской голос: «А что ты здесь одна делаешь, малышка?» Она обернулась, и от радости замерло сердце – перед ней стоял Николай! Тот самый Николай, в которого были влюблены почти все девочки их района, включая ее лучшую подругу Любашу. Ларочка тоже питала тайное восхищение перед этим молодым человеком, причем такое сильное, что даже боялась в этом признаться самой себе.

И вот теперь Николай стоял перед ней, смотрел ей в глаза и улыбался. Его неповторимая широкая улыбка придавала его лицу какой-то особый шарм и частенько притягивала завистливые взгляды прохожих. У него были тёмные волосы, ниспадающие непослушными прядями на лоб, а также тёмные, с какой-то особой поволокой глаза, в которых мог утонуть сам Дьявол! Смуглый цвет кожи завершал пленяющий образ этакого экзотического любовника-соблазнителя, прибывшего с далёких островов покорять сердца местных столичных девиц.

«Так как зовут нашу прекрасную катальщицу?» – спросил Николай хрипловатым баритоном, расставляя медленно слова, как будто убеждаясь в их воздействии на юное невинное существо, которым являлась наша героиня. Хотя все внутри у неё в этот момент ликовало и дрожало, она всё же смогла смущённо пролепетать: «Ларочка». Протянув пальто гардеробщице и получив номерок, она поспешила на коньках к беговым дорожкам стадиона, покрытым сегодня твердым и гладким льдом. Уголками глаз она всё же неустанно следила, не идёт ли за ней Николай, и, уже почти разочарованно ступив на лёд, вдруг почувствовала, как его рука нежно взяла её за локоть, настойчиво увлекая по

огромному кругу катка.

Ларочка не чувствовала под собой ног – катающиеся люди и бесконечные ряды скамеек стадиона расплывались у неё перед глазами, так как всё внимание теперь было сосредоточено только на этой твердой мужской руке, державшей её так уверенно, будто Ларочка давно уже ему принадлежала. В это время Николай забавлял её легкомысленными историями, действующими лицами которых были их общие друзья и знакомые. Но она была так поражена этой встречей, и этим настойчивым преследованием, что никак не могла сосредоточиться на его рассказах, думая только об одном – как она расскажет Любаше о случившемся! Она вспомнила, как увидела Николая впервые. Это было месяц назад – он появился на катке с Юркой, парнем из их компании, который когда-то учился с Николаем в одной школе – они были на пару лет старше. Любаша незаметно толкнула Ларочку в бок: «Смотри! Смотри! Это Николай! Вот это парень!» А та и не спорила, хотя притворно пожала плечами: «Да так, ничего особенного...» Но Любаша не унималась и продолжала с восхищением перечислять физические совершенства смуглого незнакомца.

Девочки сидели на скамейке стадиона и отдыхали после долгой езды, когда ребята подошли и завели с ними разговор. Николай им подмигнул и, улыбнувшись, как может улыбаться только сам Аполлон, весело сказал: «Ну что, девчонки, покатаемся сегодня?» Переглянувшись, девочки только по-детски захихикали в ответ.

И вот теперь Ларочка скользила по льду с кумиром районного масштаба, притихшая и настороженная, не веря в неожиданно свалившуюся на неё удачу, и одновременно боясь ее спугнуть. Ей хотелось навсегда остаться на этом стадионе! Но вскоре ей пришлось прервать эти волшебные мгновения, так как еще предстояла подготовка к вечернему празднованию. Она, правда, упомянула о дне рождения и даже пригласила Николая в ресторан, но тот отказался, вспомнив о тренировке в боксёрском клубе. Сначала Ларочка разочаровалась, но когда Николай попросил у нее номер телефона и поцеловал на прощание в щечку, неимоверная радость опять затопила все её существо. Теперь она летела с катка на крыльях этой радости, совершенно замороженная таким непредсказуемым оборотом событий.

На вечеринку она прибыла в состоянии какой-то воздушной загадочной мечтательности, обреченно отбросив всякую попытку смахнуть с себя остатки только что пережитых воспоминаний. Празднично одетые и предвкушающие большое веселье друзья осыпали Ларочку поздравлениями и подарками, после чего все дружно сели за большой стол, заранее уставленный напитками и всякими яствами. Только Любаша заметила изменения – от нее не могли ускользнуть излучающие какой-то особый блеск глаза подруги.

– С тобой всё в порядке? – спросила Любаша.

– Всё нормально! Завтра расскажу, – смущенно прошептала Ларочка.

– Я не смогу ждать до завтра! Расскажи сейчас!

– Не могу. Посмотри, сколько людей собралось, – и, торжественно подняв бокал, громко провозгласила, – Давайте выпьем за мои восемнадцать!

Любаша недовольно промолчала, но всё же протянула свой бокал с шампанским, легким звоном дотронувшись до бокала подруги. Со сцены раздались громкие аккорды музыкальных инструментов, и шум ресторанной толпы унёс подруг в долгожданное безудержное веселье, которое можно испытывать только в восемнадцать лет! Больше никогда они так не веселились,

не смеялись, не любили друг друга, не любили саму жизнь, которая казалась в тот вечер такой беспечной, восхитительной, и ласково манящей в свои безоглядные дали.

Николай позвонил только на следующей неделе. Ларочка с нетерпением ждала по вечерам и вскакивала при каждом телефонном звонке, раздававшемся в коридоре ее ненавистной коммунальной квартиры. Ее живое девичье воображение рисовало картины восхитительных встреч, в которых она утопала в любви, а голос Николая и его ослепительная улыбка преследовали ее повсюду – на работе, дома, и даже в компании друзей. Услышав теперь по телефону знакомое и притворное:

– Привет, малышка! Ну что, не ждала?

– Ну почему? У меня были кое-какие догадки, – игриво ответила она, вся задрожав от нахлынувшего волнения. Но он только засмеялся и пригласил её в кафе неподалеку от дома.

Стояли январские морозы, снегу выпало много, и машины на дорогах не успевали его убирать. «Ты куда идешь в такой холод? – спросила настороженно мама. Ларочка, набросив быстро тёплое пальто и, на ходу поправляя вязаную шапочку, только бросила на прощание: «Мамочка! Не волнуйся! Я ненадолго – пойду с подружкой прогуляюсь». У нее обычно не было секретов от матери, но сегодня она хотела оставить эту маленькую «женскую» тайну только для себя – в ней была какая-то особая блаженная сладость, которую она никогда не испытывала раньше.

Ларочкина душа только-только начинала распахиваться навстречу любви и чему-то неизведанному, и поэтому она боялась это кому-то показать, как будто люди могли нечаянно спугнуть это хрупкое, иллюзорное счастье... По этой же причине она ничего не рассказала Любаше, хотя та последнее время с инквизиторской настойчивостью допрашивала подругу и определенно хотела быть посвящена в тайну мечтательного взгляда Ларочки.

Она увидела силуэт Николая еще издалека – он стоял на углу дешевого кафе, притопывая ногами и дыша на свои замерзшие руки. Ларочка быстро направилась к нему и, когда он нежно обхватил ее двумя руками в знак приветствия, от нахлынувшего восторга она чуть не потеряла сознание. Они торопливо вошли в теплый и уютный зал, гонимые ветром и холодом, и сели напротив друг друга за первый свободный столик. Когда Николай заказал напитки, она, наконец, осмелилась посмотреть ему в глаза – тот, в свою очередь, смотрел на неё неотрывно и с любопытством, как будто пытаясь проникнуть во все её девичьи тайны.

– Ну, как прошел твой день рождения? Надеюсь, вы хорошо провели время?

– полюбопытствовал он.

– Просто отлично! Так что ты много потерял! – заинтригованно улыбнулась Ларочка в ответ.

– Я в этом даже не сомневаюсь! – воскликнул он с присущим ему наигранным притворством, разочарованно подняв брови.

Их беседу прервал официант, поставивший на стол бутылку крепленого вина «Лидия», которое она терпеть не могла. Николай тут же разлил его по бокалам, и с нежностью провозгласил тост: «С днем рождения тебя, малышка!» Ларочка со смехом поднесла сладковатый напиток к губам – теперь, после холодной улицы и в компании этого красивого, всем на зависть, молодого человека, он показался ей просто восхитительным. Как она могла не чувствовать

себя на седьмом небе?! Николай прервал её мечтания и заказал вторую бутылку. Она запротестовала:

– Нет, спасибо! Я больше не хочу. А то завтра на работу вставать – я не поднимусь!

– Ну, а я выпью! За такую красивую девушку грех не выпить.

Вечер прошел быстро и незаметно – в веселой болтовне, шутках и безудержном смехе двух молодых беззаботных людей. Около одиннадцати Ларочка засобиравшись домой: «Мама будет волноваться». Николай помог ей надеть пальто, и они вышли на темную холодную улицу, застывшую в морозном январском воздухе. Он опять взял её под руку, как тогда на катке, и они медленно направились к её дому, расположенному на центральной улице города. Когда они поднялись на четвертый этаж и остановились у двери её квартиры, Ларочка повернулась и с улыбкой проговорила: «Спасибо за приятный вечер!». «Нет, это я тебя должен поблагодарить. Никогда мне еще не было так хорошо, ни с одной девушкой...» Он приблизился к её лицу и медленно поцеловал в губы. Она не отстранилась, но затем как будто спохватилась, достала ключ из сумочки и со словами «Спокойной ночи!» исчезла в дверях, услышав позади себя долгожданное: «Я позвоню тебе завтра!» Захлопнув за собой дверь, она тут же прислонилась к ней, как будто у неё больше не было сил стоять. В душе играл огромный оркестр, и она с волнением прислушивалась к каждому изумительному аккорду, к каждой удивительной ноте этой неповторимой мелодии. Это была совершенно незнакомая увертюра – ведь Ларочка никогда еще ни с кем серьезно не встречалась, и теперь пыталась понять, что происходит в её душе.

Она точно знала, что Николай ей нравится, причем нравится безумно, но она еще не понимала, до какой степени это хорошо или плохо. Но сейчас она ничего не хотела анализировать, отталкивая от себя всякую логику, здравый смысл и рациональность. Ей всегда претил анализ и рассматривание под микроскопом достоинств и недостатков потенциальных партнеров. Поэтому она просто плыла по волнам загадочного чувства, которое так неожиданно ворвалось в ее жизнь без всякого приглашения или предупреждения.

Ларочка тихо пробралась в комнату, чтобы не разбудить маму, и залезла быстро под одеяло. Теперь она могла вволю помечтать! Её воображение только-только начало рисовать приторно-розовые романтические картинки, когда она почувствовала приятную усталость – долгий день, возбуждение от встречи и выпитое вино давали о себе знать, и поэтому вскоре она погрузилась в сладкое забытие. Но в её ушах еще долго отдавались чудесные слова, произнесённые волшебным голосом: «С днем рождения тебя, малышка! Мне ни с кем еще не было так хорошо...»

Следующий месяц пролетел незаметно, на одном дыхании, как вихрь, который всё дальше уносил и затягивал Ларочку в этот новый, незнакомый поток любовных отношений. Они встречались каждые два-три дня, но Николай звонил каждый день, и Ларочкина жизнь теперь сосредоточилась на ожидании этих звонков. Голос в телефонной трубке, такой нежный и ласковый, веселый и уверенный, был то ли обещанием счастливого будущего, то ли дурманящим наркотиком, она и сама не могла с точностью определить. Каждое утро она вставала с мыслью, что сегодня она поднимет трубку и, зачарованная, утонет в этом мужском хриловатом голосе. Она точно знала, что только этот голос мог разбудить её только что зарождающуюся юную женственность.

Это был день Святого Валентина. Она проснулась в предвкушении чего-то особенного, и, конечно же, не ошиблась. Николай позвонил раньше обычного. «Привет, малышка! У меня для тебя сюрприз! Встречаемся там же, в семь часов. Целую». Теперь время тянулось так мучительно медленно, что Ларочка, сидя на работе и стараясь сосредоточиться на бумагах, временами начинала проклинать неподвижные стрелки. Но когда часовая стрелка, наконец, доползла до шести, она ринулась к выходу, как спущенная с тугой тетивы стрела, и понеслась к автобусной остановке, не чувствуя асфальта под ногами. Автобус тоже её сегодня подводил и полз как черепаха – весь мир, казалось, замедлил своё движение, как будто насмехаясь над нетерпением влюбленной девушки. Напряжение ушло только тогда, когда Ларочка оказалась в объятиях Николая – она почти выпала из автобуса в его протянутые руки, почти одновременно ощутив такие знакомые и теплые губы на своей щеке. Она вздохнула с облегчением, как будто он вырвал её из когтей этого «железного дракона» и теперь был готов унести в свое сказочное королевство, где царит только безграничное счастье и любовь.

– Куда мы сегодня идем? – спросила Ларочка.

– Ко мне домой. Не бойся, родителей нет дома – они ушли на какой-то юбилей, – объяснил Николай, встретив её протестующий взгляд.

Но она сама уже не знала, что её больше пугает – остаться дома наедине с ним и испытать предстоящую близость, или встретиться лицом к лицу с его родителями!

Они поднялись на второй этаж, и зашли в небольшую, но очень хорошо обставленную квартиру. На журнальном столике в гостиной Ларочку ждал огромный букет красных роз и маленький подарок, изящно завернутый в золотистую бумагу. Она с наслаждением вдохнула запах цветов и нетерпеливо разорвала пакет – на неё безобидными глазами смотрел пушистый игрушечный медведь, протягивающий ей свое большое красное сердце. Она прижала его к себе и с восторгом прошептала: «Как мило... Никогда не видела ничего более прелестного!»

Пока она восхищалась подарком и оглядывала комнату, Николай принёс из кухни бутылку Шампанского и бокалы. И прежде чем он успел их поставить на стол, она с благодарностью обняла его, как прижимала минуту назад игрушечного мишку. Когда Николай торжественно провозгласил: «Ну а теперь будем праздновать!», Ларочка нежно поцеловала его в губы, а затем грациозно отстранилась, как будто предоставляя ему возможность поставить декорации и сделать последние приготовления к долгожданному чудесному спектаклю, а затем позволить ему торжественно ввести её в действие сценария, написанного только для неё.

В первом действии они сели на диван перед журнальным столиком, и Николай разлил шампанское в изящные высокие бокалы. «Я хочу выпить за самую прекрасную девушку, какую я только встречал!», – торжественно произнес он. «В таком случае, я выпью за молодого человека, который никогда не встречал такую девушку, как я», – в том же тоне ответила Ларочка, пытаясь придать себе уверенность и храбрость. Они долго сидели и разговаривали, заглядывая друг другу в глаза, держась за руки, и нашептывая всякие любовные глупости.

Шампанское было выпито до дна, и когда комнату осветил приглушённый свет торшера, и диван неожиданно превратился в кровать, Ларочка поняла, что

наступило второе действие. Она на минуту заколебалась – ведь она еще никогда не была близка с мужчиной, и эта настойчивость и уверенность Николая её немного пугала. Но когда он нежно прижал ее к себе, вдохнул запах ее шелковистых волос и прошептал на ухо: «Мм, как я тебя люблю!», у нее отпали всякие сомнения, и все ее страхи растворились в нежном предвкушении, что она будет принадлежать этому сильному мужскому телу.

Она позволила ему раздеть и положить себя на кровать – в его движениях не было никакой спешки, горячности или нетерпеливости, как будто он смаковал каждую секунду их близости. Она тихо, со смущением прошептала: «Будь осторожен. Это у меня в первый раз». Когда рухнул последний барьер, Ларочка поняла, что готова умереть в его руках...

Потом они сидели на кровати, закутанные в простыни, и курили, как это традиционно делают многие любовники. «Тебе не холодно?», – нежно спросил Николай. «Ты наверно шутишь! На мне сейчас можно жарить яичницу!». Он рассмеялся в ответ – она так любила его заразительный смех, что ей постоянно хотелось его смешить – только бы услышать его еще раз. Ларочка так и не ответила на его любовное признание, так как это затертое слово «люблю» даже близко не передавало всех ее ощущений. Это было больше, чем любовь – это было что-то вроде безумного обожания, переходящего в неистовое забытие! Наверняка он догадывался, что его поставили на высокий пьедестал, поэтому не задавал традиционного вопроса.

– А ты меня любишь?, – всё-таки спросил он, приподнявшись на локте, и пронизывая ее насквозь своим лукавым, томным взглядом.

– А как ты думаешь? – помедлив и нежно проведя пальцем по его щеке, ответила она вопросом на вопрос.

– Понятия не имею!

– Ах, так? Ну, тогда я тебе сейчас намекну, – перешла на интригующий шепот Ларочка, со смехом обвив руками его упругую шею, спрятанную за шелковистыми волосами.

– Намёк принимаю! – с этими словами он порывисто притянул её к себе, осыпая безостановочными поцелуями.

И тут она опять провалилась в глубокую бездну под названием Любовная Нирвана, которая всегда обещает чудо, затягивает в свою топкую трясику, но почему-то никогда не подсказывает лёгкого выхода из неё...

На следующий день она встретила с Любашей. От взгляда подруги не ускользнуло какое-то новое выражение на лице Ларочки.

– Ну так, всё! Ты должна мне всё рассказать. Что у тебя там происходит с Николаем?

– Хорошо. Только никому не говори. Вчера мы переспали, у него дома... Он говорит, что очень любит меня, – пришлось сдать Ларочке, так как отступить было некуда.

– Да ты что? А ты его любишь?

– Даже не спрашивай – я его просто обожаю, мне иногда даже становится страшно от этого...

– И что теперь будет?

– А что будет? Ничего. Я буду любить его, а он будет любить меня. Больше мне в жизни ничего и не нужно.

– Я за тебя так рада! Нет, честное слово! – подтвердила Любаша, уловив недоверчивый взгляд Ларочки, а затем неожиданно предложила. – Слушай!

Скоро масленица – давай все соберёмся у Юрки, у него родители уезжают – отметим! Приводи своего Колечку, а то ты его всё время прячешь от нас! – Могу и привести, почему бы нет? Если, конечно, он согласится.

Теперь Ларочка и Николай были неразлучны. По вечерам, держась за руки, они гуляли по заснеженным улицам города, а потом отогревались в маленьких уютных кафе, заказав горячие напитки и с воодушевлением обмениваясь новостями. По выходным они отправлялись на каток, а иногда, когда родителей не было дома, Николай приглашал ее к себе. Они занимались любовью при любой подвернувшейся возможности, в любой обстановке, и она с наслаждением открывала для себя мир, где женщина бывает желанной и любимой!

Как будто судьба развернулась на 180 градусов и выбросила на сцену её жизни всё самое лучшее и восхитительное, при этом улыбаясь и подмигивая: «Посмотри, как выглядит любовь! Вкуси её сладкие плоды!» И Ларочка вкушала и наслаждалась, как только может наслаждаться ранняя молодость, не познавшая еще ни боли, ни предательства, и не подозревающая ни о чем...

Они собрались у Юрки в конце февраля – квартира его родителей была большой и просторной, и, что самое важное, вся в их распоряжении. Девочки готовили на кухне праздничную еду, в то время как мальчики курили и обменивались анекдотами в гостиной. Ларочка была в восторге – она могла показаться в обществе со своим возлюбленным, встречи с которым были до сих пор исключительно тайными.

– Ну, как там у вас? – спросила Любаша.

– Лучше не бывает! Любаша, ты не представляешь, как мне с ним хорошо.

Он такой добрый, нежный и заботливый. Я не представляю даже, что это может когда-нибудь закончиться.

– Я завидую тебе зелёной завистию!

– Ну что ты! Ты такая красавица! Да мужчины должны просто укладываться в штабеля, а ты только выбирай, выбирай, выбирай!

Любаша и впрямь была красавицей, и Ларочка втайне завидовала её пышным правильным формам, но эту зависть она особенно остро почувствовала в этот вечер.

Наконец, все дружно уселись за стол и начали усердно накладывать в тарелки и наливать в рюмки. Николай поднял первый, традиционный тост за присутствующих женщин. Все единодушно его поддержали, и праздничное веселье началось. Хотя Ларочка чувствовала себя сегодня беспрельдно счастливой, она всё же уголком глаза следила за Николаем, который усиленно налегал на рюмку, продолжая почти безостановочно, один за другим, провозглашать тосты. Его красивые глаза постепенно покрывались какой-то безумной пеленой, за которой уже нельзя было что-либо разглядеть – ни настоящей радости, ни истинного веселья. Они просто блуждали по комнате, как два потерявшихся или загулявших кота, которых хозяин забыл впустить домой. Ларочке хотелось схватить его за руку, удержать от следующей рюмки, но ей не хотелось показаться властной собственницей, которая решает, кому что делать и сколько пить, что более приемлемо в супружеских отношениях, но, как правило, не поощряется на ранних стадиях отношений. Она чувствовала, что просто не может себе этого позволить – то ли из страха, что подумает о ней Николай, то ли из чувства сдержанности и собственного достоинства, для которого такой контроль был совершенно неприемлем. Она просто беспомощно

наблюдала, как ее возлюбленный медленно погружается в темную пучину бессознательности.

Её вывел из раздумий включенный кем-то магнитофон, который, издавая громкие ритмичные звуки музыки, теперь переносил веселье на следующий уровень. «Можно я приглашу твоего Колю потанцевать?», – услышала Ларочка голос подруги у себя за спиной. «Конечно! Если он еще в состоянии!» Николай оказался в состоянии, и Любаша, положив свою красивую руку ему на плечо, повела его в центр комнаты.

Не давая Ларочке опомниться, Юрка схватил её за руку и тоже потащил танцевать. Кто-то выключил свет, и в комнате образовалась приятная полутьма, нарушаемая только вспышками лампочек магнитофона и ровным светом уличных фонарей. Она неожиданно повеселела, отбросив тяжелые мысли и бездумно закружившись в танце, а также целиком поддавшись ритму музыки и партнеру.

Вскоре кто-то опять включил свет и предложил следующий тост. Ларочка, разгоряченная танцем, весело опустилась на стул и протянула свой бокал Юрке, который теперь разыгрывал роль тамады. Он не успел наполнить бокал, когда её рука неожиданно задрожала, а глаза начали лихорадочно искать по сторонам – за столом не хватало Любаша и Николая. Никто не заметил её волнение, кроме Юрки, который притворно провозгласил: ««А теперь давайте выпьем за Ларочку!» «За меня не надо...», тихо сказала она и встала из-за стола. Гости продолжали веселиться, а она боялась задать вопрос, который страшил её до такой степени, что она не могла даже открыть рот – у нее пересохло во рту. Теперь она стояла перед дверьми в спальню. Неуверенно взявшись за ручку, она не решалась ее повернуть – страх и подозрение подступали к самому горлу. Она так громко и отчетливо слышала биение своего сердца, как будто оно держало микрофон и пыталось крикнуть на весь мир: «Что тут происходит??!!» Собрав последние остатки мужества, Ларочка, наконец, повернула ручку и приоткрыла дверь. Её взгляд сразу упал на постель, на которой поверх покрывала, не раздевшись, лежали два близких ей человека, но только теперь они были намного ближе друг к другу, чем к ней самой. Казалось, они ничего не видели вокруг – в каком-то алкогольно-любовном угаре они держали друг друга в тесных объятиях, а их губы сомкнулись в непрерывном поцелуе...

Ларочка не могла пошевелиться – совершенно оглушенная, все еще держась за ручку двери, она неотрывно следила за сценой минутного безумия людей, которых она так любила. В этой чужой спальне жизнь как будто зачитывала ей жестокий приговор, который она не могла понять и принять ни своей невинной душой, ни своим юным умом. Впервые рука судьбы приоткрыла перед ней завесу, за которой ей показали что-то уродливое и гадкое, как будто знакомя её с другой стороной реальности.

Она тихо прикрыла дверь и вернулась за стол. «Наливай!», – выпалила она в пустое пространство, и ей вдруг тоже захотелось, как и её любимому Николаю, бездумно броситься в нирвану алкоголя, и так же, как и он, полностью забыть, где она находится...

Прошел час... Николай и Любаша не появлялись – спальня, казалось, поглотила их навсегда. Ларочка не могла сдвинуться с места, бессознательно ожидая, когда же закончится весь этот кошмар. Но он не заканчивался, и никакое количество выпитого алкоголя не могло его оборвать.

Наконец, она потеряла терпение и встрепенулась – теперь ей хотелось куда-

то бежать и что-то делать. Она резко встала из-за стола, схватила пальто и, под взглядами одобрительного понимания, выбралась из квартиры, которая теперь казалась невыносимым свидетелем обрушившегося на неё несчастья. На улице в лицо ей ударил морозный воздух, пытавшийся привести её в чувства, но она уже ничего не замечала – она бежала к своему дому в каком-то безумном отчаянии, ничего не видя перед собой, ослеплённая нахлынувшими слезами и неутешной болью.

Когда Ларочка открыла двери ключом и вошла в тёплое, знакомое с детства помещение, где она всегда чувствовала себя в полной безопасности, она, казалось, потеряла последние остатки мужества. Быстро пробравшись в свою комнату, она упала лицом на постель. Больше она уже не могла сдерживаться – из ее груди предательски вырывались сдавленные рыдания, которые она уже никаким образом не могла остановить. В комнату вошла мама, разбуженная шумом, и тихо присела на кровать, ласково глядя Ларочкины волосы.

– Что случилось, моя родная?

– Мамочка, почему так больно?! – задавала она один и тот же вопрос, в перерыве между всхлипываниями. – Почему? Почему они меня так подло предали?! Разве я этого заслужила?!

Мама продолжала её гладить, давая ей выплакаться, и не находя ответа на эти вечные риторические вопросы. В то время как Ларочка продолжала сидеть на кровати с широко открытыми глазами, как будто недоумевая над своими собственными вопросами. Она недоумевала и протестовала, так как ответов действительно не находилось. Мама тихо произнесла:

– Никто не заслуживает предательства. Успокойся, родная. Поверь мне, всё пройдет и забудется.

– Нет! Но как же это возможно? Как это можно забыть?! – не унималась Ларочка.

– Это непросто, но время сотрёт всё, и со временем принесёт все ответы. Это твои первые уроки.

– Какой же урок может быть в предательстве, когда ты теряешь двух близких людей?

– И в этом есть свой урок... Возможно, ты не видишь его сегодня, и ты не увидишь его завтра. Но придёт день, и все прояснится. Поверь мне.

Но Ларочка почти уже не слушала. Она смотрела вперед опухшими невидящими глазами, как будто пытаясь разгадать какой-то невозможный жизненный ребус...

Прошло шесть месяцев. Она знала, что Любаша и Николай встречаются – друзья не забывали ей об этом сообщить. Ей было так обидно: «У них даже не хватило смелости позвонить, повиниться или хотя бы объясниться!» Да, они вели себя как последние воры, ограбившие Ларочку, укравшие у нее всё самое драгоценное, а теперь сидели по темным углам, разбирая принадлежавшее когда-то ей добро и примеривая на себя.

Хотя для неё эта мысль была невыносимой, она понимала, что не может настигнуть предателей и потребовать, как властная хозяйка: «Верните принадлежавшее мне по праву!» Теперь ей предстояло узнать, что любовь – это тонкая эфемерная материя, которая, однажды сорванная с живой кожей, уже никогда не может прижиться обратно – что-то внутри её пыталось отторгнуть эту любовную боль, как нечто чужеродное и ненадежное. Хотя ей это довольно плохо удавалось, но она всё же искала пути смирения с таким положением

вещей.

Но вот однажды летом раздался телефонный звонок. Ларочка, ничего не подозревая, нехотя подняла трубку. Её буквально пронзило электрическим током, когда она услышала такое знакомое:

– Привет, малышка!

– Что тебе надо?

– Мне нужно с тобой поговорить. Я безумно соскучился!

– Ты что, издеваешься? Я думаю, что тебе есть с кем разговаривать.

– А, ты про это? Там давно всё кончено. Слушай, давай встретимся. Дай мне возможность всё объяснить.

– Хорошо. Где и когда?

– Возле пешеходного моста. Я сейчас живу на острове, в палатке – работаю спасателем. Приходи в шесть часов.

– Хорошо. До скорого.

Она растерянно повесила трубку и на минуту закрыла глаза, пытаясь собрать разбежавшиеся во все стороны мысли. Зачем она согласилась? Что он может ей сказать? Что это изменит? Но было уже поздно – на каком-то подсознательном уровне ей показалось, что она еще не испила чашу горечи до дна, и ей осталось еще несколько плотков. Как она могла оставить всё это незаконченным? А может, это в ней пробудилась надежда, что всё еще можно исправить, начать сначала, вернуть счастливые моменты? Она должна была обязательно узнать об этой возможности, иначе ей придется в будущем только гадать или даже сожалеть...

Ларочка вышла на улицу – был солнечный июльский день. Легкое платье плотно облегалo её тонкую фигуру, и она шла, озадаченная и пораженная своим собственным решением, подставляя уставшее лицо последним заходящим лучам солнца. Подходя к пешеходному мосту через реку, она еще издалека увидела Николая – впервые за последние шесть месяцев, и у нее что-то кольнуло внутри. Что он собирается ей сказать? Что делать? Уходить поздно – вот он уже нежно берет её за руку и ласково шепчет:

– Спасибо, что пришла. Ты даже не представляешь, что это для меня значит.

– Это уж точно, представить не могу, – пробормотала Ларочка в ответ.

– Ты не пожалеешь!

– Я уже жалею... – теперь уже еле слышно сказала она, бросив на него свой гневный взгляд.

Они молча шли по мосту, направляясь к большому острову, образовавшемуся когда-то двумя рукавами реки, где перед ними расстился центральный пляж города. Народ начинал расходиться, и песочный пляж постепенно становился пустынным и неприветливым. Они спустились по лестнице направо, и прошли по тропинке между деревьями к небольшой поляне, где у Николая стояла палатка. Рядом располагался ящик с продуктами, а на песке лежал приготовленный хворост для костра.

– Будем печь картошку! Еще у меня есть консервы, которые можно разогреть. Это всё, чем я сегодня богат!

– Ничего страшного, могло бы быть и хуже.

– Что ты имеешь в виду?

– Вместо меня здесь могла бы быть другая, – неудачно пошутила Ларочка.

– Тебе так и хочется уколоть меня в больное место.

– А я вообще садистка. Ты разве не знал?

– Никогда не замечал. Ты была другая...

– Ты многого обо мне не знаешь.

– Горю желанием узнать! – отпарировал Николай и открыл банку с пивом. – Пиво пить будешь?

– Нет, лучше сладкого вина.

– Нет проблем. Выбор за дамой.

Они сели на клетчатое одеяло, которое Николай постелил на песке неподалеку от берега. Ларочка отпила глоток сладкого вина, и, ощутив приятное тепло внутри, стала следить за угасающим заходящим солнцем, неподвижно стоящим над крутым зеленым холмом правого берега. Ленивое течение реки услужливо уносило её боль и непонимание, и ею начало овладевать волнение, которое она всегда испытывала рядом с Николаем.

Теперь она молча слушала его объяснения. Он тоже смотрел на заходящее солнце, пил пиво и медленно выговаривал слова. Он очень сожалел, после того, что случилось, ему было стыдно позвонить. Он просто плыл по течению сложившихся обстоятельств, но только теперь понял, как много потерял. Он скучал за ней. «Я больше без тебя не могу». При последних словах он растянулся на песке и осторожно положил голову ей на колени.

Ларочка с ужасом, как бы со стороны, следила за собой – мало того, что она не сопротивлялась этому жесту незадачливого любовника, она теперь с нежностью смотрела на этого человека, глядя и поправляя его волосы, как когда-то делала мама, успокаивая ее после той пресловутой ночи. Как будто только теперь она поняла, что они оба оказались жертвами подлого предательства, и в этой странной, изуродованной общности она находила своеобразное утешение. «Боже мой! Куда тебя несёт?», – не унимался голос внутри, но Ларочка только отмахивалась: «Ты что не понимаешь, что тут происходит? Я должна быть здесь, и я не могу уйти, не дав ему последнего шанса».

Когда Николай обнял её двумя руками за талию, голос внутри беспомощно затих, оставив ее совершенно одну на растерзание страстной любви, так неожиданно поманившей ее из недавнего прошлого. Когда Николай взял Ларочку на руки и отнёс в палатку, она уже не сопротивлялась. Каждой клеткой своего существа она ощущала, что сегодня у неё не хватит сил оттолкнуть его, и поэтому окончательно сдалась. Для неё это означало бы оттолкнуть любовь, а заодно и еще одну реальную возможность испытать магическую страсть, о которой она старалась не думать все эти долгие месяцы. Он покрывал её лицо поцелуями, бесконечно повторяя: «Я тебя так люблю... Я тебя так люблю...», и она опять позволила ему овладеть своим телом и душой, и подарить ей несколько минут блаженного наслаждения и призрачной надежды.

Когда наступила полночь, Николай поднялся и неожиданно предложил:

– Пошли купаться!

– Купаться? В такой темноте?»

– А почему бы и нет? Не бойся! Ведь я же спасатель!

– Это точно! Ты меня сегодня уже спас. Не знаю, правда, от чего...

– Всегда к твоим услугам! – с этими словами он стремительно бросился с головой в тёплое течение реки, а затем, вынырнув, протянул ей руку. – Ну, иди ко мне, малышка! Вода – просто чудо!

Она осторожно попробовала воду кончиками пальцев – долгий июльский день действительно нагрел воду, терпеливо подготовив её для ночного купания юных любовников. Ларочка неотрывно смотрела на протянутые к ней сильные

мужские руки, а затем окунулась и поплыла ему навстречу. Когда она, наконец, упала в его раскрытые объятия, её последний барьер сопротивления рухнул под традиционной фразой: «Что будет, то будет!»

В следующий раз они встретились в городе – Николай предложил пойти погулять в парк. Ларочке понравилась эта идея, но не понравилось, что Николай пришел на встречу навеселе. Она бросила на него долгий вопросительный взгляд, на который он с небрежностью ответил: «Да вот, отмечали день рождения сотрудника – выпили по рюмке». Он взял ее за руку и повёл по летнему парку, где вскоре на склоне холма, спускавшегося к реке, они нашли пустынную скамеечку. Она присела в каком-то задумчивом ожидании, вдыхая запахи распустившихся на клумбах цветов и любуясь прекрасными видами, открывшимися перед ними.

А Николай в это время достал бутылку водки и пару маленьких стаканов. Ларочка запротестовала: «Водку пить не буду. И тебе не советую. Посмотри, какой чудесный день». Но он как будто ничего не слышал и не замечал, и, привычно налив себе полный стакан, провозгласил свой традиционный тост: «За тебя! За самую прекрасную женщину, какую я когда-либо встречал». Она невольно скривилась, как будто услышала заезженную, сотни раз прослушанную старую пластинку, которая давно потеряла всю прелесть новизны.

Безуспешно пытаясь поддерживать с ним нормальный разговор, Ларочка, в конце концов, притихла – хорошее настроение было непоправимо испорчено. С одной стороны, она понимала, что у него был повод выпить – всё-таки день рождения, а с другой стороны – что ей теперь от него досталось? Зачем он вообще пришел в таком состоянии? Разговор никак не клеился, потому что Николая постоянно куда-то уносило, как будто он продолжал гулять на только что покинутой вечеринке.

После второго стакана он заплетающимся языком пытался рассказать ей анекдот, от которого ей стало совсем не до смеха.

После третьего стакана он встал и сделал несколько шагов, чтобы найти туалет, но тут же рухнул на землю и, к ужасу Ларочки, начал катиться вниз по крутому склону холма. Она вскочила и инстинктивно схватила его за одежду, но Николай был слишком тяжелым и ее тонкие пальцы не смогли его удержать – он продолжал катиться по травянистому склону, пока не очутился в самом низу – под разросшимися дикими кустами. Хорошо, что не было дождя, и почва была теплая и совсем сухая.

Ларочка, обуреваемая страхом и ужасом, спустилась вниз и нагнулась над Николаем, чтобы удостовериться, что он цел и невредим. Затем, вздохнув – то ли от облегчения, то ли от надвигающейся тоски, она обречённо села на траву, и положила голову любимого к себе на колени – как тогда, на пляже. С одной лишь разницей – теперь он был совершенно бесчувственным. Глядя на его такие неотразимые черты лица, она только теперь поняла, что проиграла его не Любаше, а совершенно другому, более опасному демону. Этого демона звали алкоголь. Она еще никогда в жизни не чувствовала такую беспомощность – её возлюбленный, кумир её мечты, буквально скатывался в черную пропасть забвения, и она не в состоянии была его спасти.

Ларочка потеряла счёт времени. Уже давно стемнело, а она продолжала держать голову этого человека в своих руках, не в состоянии сдвинуться, подняться и уйти. Все попытки его разбудить до сих пор оказались

безуспешными. Уйти и оставить его здесь одного? Что делать? Она давно уже не понимала, что происходит в её жизни – как будто она держала в руках не голову, а сегменты чужой картинки-пазла. Эти сегменты назывались «Предательство» и «Пьянство», и теперь она раздумывала, как они могут вписаться в канву её собственной картины жизни. В её воображении начало смутно вырисовываться неизвестное будущее, и она поняла, что поставила перед собой невозможную задачу – резкие края этих сегментов больно впивались в душу и портили идеальную картину. Она продолжала держать их в руках, в то время как слёзы катились по ее неподвижному лицу, смывая последние налёты детской, наивной, несбывшейся надежды.

Ларочка так и просидела в этом положении всю ночь, прикованная к этому человеку какими-то невидимыми цепями, мысленно молясь за него и оплакивая свою мечту. Её горе было так глубоко, что, казалось, одной ночи было ничтожно мало для того, чтобы выплакать всё до конца. Но долгие часы, проведенные на траве этого парка, каким-то образом принесли ей достаточную ясность. Как будто усыпанное звездами небо подслушало ее горькие мысли и подсказало окончательный ответ.

Когда на рассвете Николай, в конце концов, проснулся, Ларочка точно знала, что ей теперь делать. Она проводила его до остановки автобуса, а сама пошла домой отсыпаться – хорошо, что была суббота, и ей не надо было идти на работу.

– Вечером встретимся? – спросил Николай своим хриплым голосом, глядя на неё опухшими глазами.

– Да, дорогой! Обязательно встретимся, – ответила она, поцеловав его в щеку.

– Пойдем в летний ресторан? Там сегодня играет музыка.

– Прекрасная идея! Развлечений будет – хоть отбавляй! – улыбнулась она многообещающе и помахала на прощание рукой.

Когда Ларочка проснулась дома в своей постели, на улице уже начинало темнеть. Она вспомнила предыдущую ночь, и у нее опять защемило в сердце. Решительно отбросив одеяло, она быстро оделась и подошла к телефону, на ходу вспоминая номер и мысленно отметив: «Еще не забыла!» Любаша подняла трубку.

– Это ты? Вот уж не ожидала! Чего ты хочешь?

– Скажи мне только одну вещь – ты еще встречаешься с Николаем или нет? Он меня уверяет, что у вас всё кончено.

– Что за бред? Николай тебе такое сказал? Он сейчас в командировке! Как ты могла его видеть? – продолжала недоумевать разволнованная не на шутку соперница.

– Это неважно, где я его видела, Любаша. Но ты должна знать правду.

Теперь он изменяет тебе со мной.

– Этого не может быть! Ты специально это говоришь, чтобы сделать мне больно... Чтобы отомстить! Я даже не подозревала, что ты такая жестокая.

– Кто бы говорил о жестокости? Послушай, у меня нет причин тебя обманывать. К тому же я больше не держу на тебя зла. Но проблема не во мне – меня волнует Николай. Он много пьёт и сам не понимает, что делает. По-моему, он совсем запутался.

Любаша не дослушала – на другом конце провода слышались быстрые гудки. «Ах, так? Хорошо. Значит, ты не хочешь слушать. Никто не хочет видеть

проблему!», – не могла успокоиться Ларочка и решительно набрала еще один номер.

– Юрка! Мне нужна твоя помощь, срочно!

– Что на этот раз?

– Мне нужно организовать очную ставку.

– С кем это?!

– С Николаем и Любашей. Николай пытается ко мне вернуться, а Любаша отрицает, что у них всё кончено.

– Понятно. Что от меня требуется?

– Я сегодня вечером иду с ним в летний ресторан. Позвони Любаше и пригласи её на вечернюю прогулку. Поведи её по аллее, которая ведет к ресторану. Там и встретимся. В 11 часов.

– Хорошо. Будет сделано. Предвкушаю большую драку.

– Да ну тебя! Кстати, с меня бутылка. Ну, всё, до вечера!

Они сели за маленький столик летнего открытого ресторана и сделали заказ. Николай был немного смущён и искоса поглядывал на Ларочку из-под своих томных век.

– Что-то тебя мучает, Колечка?

– Малышка, ты прости меня за вчерашнее. Ну, перебрал немного... Я не хотел, так получилось.

– Да ничего страшного! В чем проблема? Полежал на травке, отдохнул. И я с тобой заодно.

– Ну, зачем ты так? Опять издеваешься?

– А что ты мне предлагаешь делать? Петь тебе дифирамбы за безукоризненное поведение?

– Прости меня, малышка, слышишь? Больше этого не повторится! – с этими словами Николай протянул руку и осторожно взял Ларочку за пальцы.

– А у тебя больше и не будет такого шанса! – ответила она уверенно, посмотрев любимому прямо в глаза.

– Что ты имеешь в виду? Не надо меня так пугать!

Официант прервал их беседу, поставив на стол бутылку вина и заказанную еду.

– Ну ладно, давай отложим этот разговор, – весело и миролюбиво проговорила Ларочка. – Наливай! Давай выпьем еще за одну встречу!

– Надеюсь, не последнюю. Пусть это никогда не кончается. –

подозрительного посмотрев на неё, Николай разлил по бокалам вино.

Затем, не отводя взгляда от Ларочки, нетерпеливо поднёс бокал к губам.

Обстановка постепенно разрядилась, и вот они уже весело болтали ни о чем, запивали свой смех вином и заедали вкусной ресторанной едой.

Затем Николай встал и учтиво пригласил её потанцевать. Она нерешительно приняла протянутую ей руку и опять поддалась, позволив повести себя на середину танцплощадки. Они закружились под легкую музыку оркестра, вдыхая запахи растущего за оградой жасмина, и упиваясь ритмом и такой знакомой близостью. Ларочка опять начинала терять голову, и её в очередной раз уносило в заоблачные выси – туда, где не было предательства и потери, и где всё было забыто раз и навсегда. А была только эта танцевальная площадка, крепкие плечи и руки этого мужчины, на которые ей так хотелось опереться, всегда с нежностью прижимать к ним свою разгоряченную щеку, и никуда не отпускать...

Неожиданно она вздрогнула и остановилась. «Боже мой! Любаша с Юркой будут идти нам навстречу! Что я наделала?!» – вихрем пронеслось у неё в голове.

– Ларочка! Что с тобой? Тебе нехорошо? – встревожился Николай, от чего ей стало еще более тошно.

– Давай вернёмся к столику – у меня немного закружилась голова, – пришлось ей соврать, хотя она так этого не любила.

Настроение было испорчено на целый вечер. И как Николай ни старался её развеселить, Ларочке не удавалось отмахнуть от себя неотвратимость предстоящей на аллее встречи. Более того, теперь её трусило мелким ознобом сомнений. Николай снял пиджак и заботливо набросил его ей на плечи.

– Да ты дрожишь. По вечерам здесь действительно прохладно.

– Да, ты прав. Спасибо большое. Мне уже лучше.

– Давай-ка я отведу тебя домой. Ты наверно не выспалась из-за меня.

– Нет! Я выспалась! – запротестовала Ларочка, но тут же замолчала и поникла, с какой-то усталой обреченностью осознав, что отступить уже слишком поздно.

Они медленно шли по аллее – Николай обнимал её за плечи, пытаясь согреть и унять её непрекращающуюся дрожь. Теперь у Ларочки было такое чувство, что она поднимается на эшафот, и это были её последние минуты жизни и близости с любимым. Увидев вдали два знакомых силуэта, она повернулась к Николаю и прошептала:

– Колечка! Я тебя очень люблю. Всегда помни об этом. Хорошо? Ты будешь помнить?

– Да что с тобой сегодня? Конечно, я об этом помню. И я тебя тоже очень... – неожиданно запнувшись, он так и не выговорил последнего, самого важного слова.

Даже не взглянув на него, Ларочка поняла – он увидел Любашу. И тут она почувствовала, как его рука медленно соскользнула с её плеча и затерялась где-то в темноте.

– Ну что, Колечка? Так это ты так проводишь время в командировке? –

Любаша смотрела на него в упор, сложив руки на груди, как законная жена, требовавшая ответа от своего нерадивого мужа.

– Так что, оказывается между нами всё кончено? А почему мне никто об этом не сообщил? – продолжала она свой настойчивый допрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.